

Димитрий С. БАШМАКОВ

Rosyjski Humanistyczny Uniwersytet Państwowy, Moskwa

Электоральные революции как фактор политической модернизации: опыт Чехии и Словакии

Современное социально-политическое развитие посткоммунистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, более чем полтора десятилетия назад окончательно отказавшихся от властно-подчинительской модели и практики экономического планирования социалистического типа, в настоящее время характеризуется относительно успешной адаптацией демократических процедур и рыночных принципов экономики к местной политической данности в рамках заново выстроенной архитектуры политических институтов.

Данное положение подтверждается рядом фактов.

Во-первых, различные политические силы приобретают политическую власть посредством конкурентных выборов, в соответствии с электоральными предпочтениями избирателей.

Во-вторых, в гражданском обществе каждого из государств региона сложился консенсус по базовым демократическим ценностям, которые составляют основу принятых всеми участниками политического процесса и социумом «правил игры».

В-третьих, несмотря на еще сохраняющуюся открытость трансформационного процесса, государства-лидеры региона – Чехия, Польша, Словения, Словакия и Венгрия¹ – успешно интегрировались в евро-атлантические структуры и в настоящее время находятся в фазе консолидации демократии.

¹ Продолжающийся в настоящее время политический кризис в Венгрии, спровоцированный заявлением премьер-министра республики Ференца Дюрчана о том, что правительство в течение последних двух лет обманывало население в вопросе реального положения дел в экономике, подвергают прежние оценки политологов о внутривнутриполитическом климате в стране серьезной корректировке.

Однако оборотной стороной столь видимого на первый взгляд «торжества демократии» в вышеназванных странах стал довольно сложный и неоднозначный процесс комплексный преобразований. Его отличительной особенностью, как и в случае с государствами постсоветского пространства, являлась одновременно начатая трансформация всех социально ориентированных систем переходного общества. Иными словами, помимо стратегического курса на реформирование политических и правовых структур, в числе первоочередных задач, поставленных перед новыми политическими элитами, значилась и социально-экономическая модернизация, призванная обеспечить переход от плановой к рыночной модели экономики.

Один из наиболее интересных примеров подобной системной трансформации представляет опыт бывшей Чехословакии. Интересен данный пример также и тем, что почти сразу после дезинтеграции федеративного государства в 1992 г. политический процесс в рамках уже суверенных Чешской и Словацкой республик, ставших таковыми с 1 января 1993 г., проходил настолько полярно, что в итоге вернул одну из стран на исходную прямую.

Первая электоральная революция и процедурная демократия в Чехословакии

Процесс демократизации в Чехословакии, составляющий неотъемлемую часть системных изменений Чехии и Словакии и ставший возможным в результате демократической революции 1989 г. [1], характеризовался двухуровневой адаптацией демократического метода правления. Первый уровень демократизации предполагал механистическое калькирование практик и институтов, присущих демократической форме правления, что в конечном итоге способствовало признанию демократического метода и приданию ему со стороны различных социальных групп статуса ментальной константы. Второй уровень демократизации характеризовался уже самостоятельной, эксклюзивной трансформацией учрежденных ранее институтов и практик демократии в сторону их ситуативно требуемого качественного обновления. В этой связи произошел видимый продуктивный переход от имитационной модернизации политической и социально-экономической систем к более самостоятельной, в некоторой степени даже автаркийной модели модернизации.

Индикатором такого рода генезиса политической модернизации, который постепенно эволюционировал от декларативной институциональной демократии до развития сложной процессуальной демократии на базе имплантированного институционального дизайна, стали две волны электоральных революций.

Первая волна электоральной революции (1989–1992) [2], явившаяся следствием первого уровня демократизации и вместившая в себя помимо периода «бархатной революции» два избирательных цикла, преследовала своей целью легализацию демократического метода правления, который противопоставлялся ранее практикуемой авторитарной схеме функционирования властно-подчинительских отношений. Проведение альтернативных выборов, результаты которых институционализировались посредством деятельности различных партий и общественных объединений в рамках Федерального собрания ЧСФР, стало новым базовым механизмом смены власти, заложившим основу электоральной конкуренции последующего политического процесса.

Так, итоги «учредительных выборов» 1990 г. в Чехословакии, победу на которых за явным преимуществом одержали зонтичные по своей структуре политические движения – чешский «Гражданский форум» и словацкая «Общественность против насилия»², – свидетельствовали не только о рациональном выборе чехословацким обществом начатых системных преобразований, но и о желании продолжить комплексную перестройку политического и экономического порядка.

Тем не менее изначальное копирование в ходе демократического транзита качественно новой по сравнению с предыдущим периодом нормативно-институциональной базы, призванной учредить демократический политический режим и придать демократическому методу правления титульное ценностное значение, вполне закономерно не создало гарантий для исключения возникновения каких-либо конфликтов и кризисов политического и экономического характера. Наоборот, легитимация и узаконивание практик демократии, подтвердило адекватность развития в рамках чешского и словацкого социумов естественного конфликта интересов, признание плюрализ-

² <http://www.volby.cz/pls/sn1990/u4>; <http://www.statistics.sk/webdata/slov/volby/volby90/php90.htm>.

ма мнений и легальности деятельности оппозиционно настроенных групп. Однако в случае столкновения позиций различных политических субъектов в рамках искусственно институционализированной модели федеративного государства³ это оказалось весьма существенно.

Разногласия по поводу предлагаемых проектов и алгоритмов будущего политического и социально-экономического развития страны между вышедшими из ГФ и ОПН политическими субъектами⁴, вскоре после распада обоих общественных объединений, несмотря на их общую приверженность демократическим ценностям, привели к новому дисбалансу политической системы. В итоге, ко второму электоральному циклу, черту под которым подвели парламентские выборы 1992 г., в чешской и словацкой частях страны сложились две совершенно разные партийные системы [4]: если для Чехии были более близки политические субъекты, базирующиеся на традиционных либерально-демократических ценностях, то для Словакии – характерной оказалась приверженность национал-популистским идеям.

Отсутствие институционального механизма для поиска консенсуса после выборов 1992 г., на которых в разных частях единого государства победили противоположные по своим ценностям установкам политические силы, явилось причиной неразрешенного в конечном итоге политического кризиса, за которым последовал распад федеративного государства [5]. После дезинтеграции ЧСФР, как и в случае с демократической революцией 1989 г. окрашенной «бархатными» тонами, оба новых политических субъекта обратились к практике самостоятельного государственного строительства. Процесс демократизации продолжилась уже в рамках двух самостоятельных национальных государств.

³ Считавшееся по конституции 1968 года федеративным [3] чехословацкое государство на практике функционировало больше в рамках унитарных принципов государственного устройства. Это, в свою очередь, не устраивало словацкую сторону, различные представители которой еще с 1920-х годов активно высказывались за собственную автономию.

⁴ Главными из которых являлись чешская «Гражданская демократическая партия» В. Клауса и словацкое «Движение за демократическую Словакию» В. Мечьяра.

Электорально делегативный конфликт и вторая электоральная революция в Чехии

Одобрение большей частью граждан Чехии по итогам двух электоральных циклов в 1990 и 1992 гг. практик демократии и отрицание альтернативных типов идеологий и политических режимов серьезно минимизировало возможность эскалации кризогенности и конфликтноопасности в стране до крайней стадии внутривнутриполитического конфликта. Управление возникающими разногласиями осуществлялось здесь, главным образом, посредством использования широкого дипломатического инструментария, применение которого напрямую подтверждало и блокировало девальвацию реинституционализованного⁵ в Чехословакии в конце 1980-х гг. демократического метода правления.

В этой связи основным кливиджем, то есть электоральным расколом чешского социума, составляющим основу политической борьбы между различными политическими субъектами за поддержку своего политического курса, стала экономическая стратегия переходного общества, которая предлагалась для реализации в условиях нового институционального дизайна.

По началу наибольшие симпатии чешского общества вызывали методы экономической модернизации «Гражданской демократической партии» (ГДП) во главе с активным сторонником масштабных рыночных реформ Вацлавом Клаусом, известным еще в «предбархатный период» по работе в экономическом секторе Института прогнозирования Чехословацкой Академии наук (ЧСАН). Базовые послышки о свободе предпринимательства, неприкосновенности частной собственности и немедленной либерализации цен, ставшие ключевыми в предвыборной кампании гражданских демократов в 1992 г. наравне с общецелевыми установками либеральной де-

⁵ Опыт существования в период Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) демократического режима парламентского типа [6], закрепленный в исторической памяти послевоенного поколения и культивировавшийся затем различными диссидентскими организациями как некая идеалистическая альтернатива существовавшей системе организации властно-подчинительских отношений, в определенной степени всегда сохранял в сознании чехословацкого общества консенсус по базовым демократическим ценностям. Не в последнюю очередь способствовала этому и культурно-историческая близость Чехословакии к Западной Европе и ее ценностным ориентирам.

мократии, помогли в конечном итоге гражданским демократам привлечь значительную часть электората на свою сторону.

Вскоре ГДП поспешила представить свой главный экономический проект – приватизацию, в случае с Чехией представлявшей собой ее купонный вариант. Однако выбранная гражданскими демократами стратегия и практическая реализация приватизации вызвали довольно серьезную критику со стороны политических оппонентов В. Клауса и породили неоднозначные оценки внутри чешского общества.

Аргументы противоположных позиций по поводу избранного метода социально-экономической модернизации сводились к следующему. С одной стороны, ГДП настаивала на том, что в результате проведенных реформ в республике появилось пусть и не столь многочисленное, но все же весьма устойчивое звено мелкого и среднего предпринимательства, что позволило избежать концентрации наиболее крупных и экономически рентабельных предприятий в руках теневых бизнес-групп. С другой стороны, по мнению политических оппонентов гражданских демократов, при начальной стадии проведения приватизации не удалось обойтись без серьезных издержек, что выразилось в сомнительности ряда сделок и серии коррупционных скандалов [7; С. 334–335].

В значительной степени по этим причинам, а также в результате неосторожных публичных заявлений представителей ГДП о «весьма спорной» роли и назначении институтов гражданского общества⁶ для молодых демократий в переходный период рейтинг доверия к партии В. Клауса заметно снизился. Правда, не настолько, чтобы привести к их поражению на первых в истории независимой Чехии выборах в Палату депутатов в 1996 г.

Тем не менее, несмотря на формальную победу на них гражданских демократов⁷, серьезную конкуренцию партии В. Клауса удалось составить стремительно набиравшим популярность в стране социал-демократам («Чешская социал-демократическая партия» –

⁶ По мнению лидеров гражданских демократов, в той модели общества, к которой они стремились в свою бытность нахождения у власти, «нет места гражданским организациям и ассоциациям; есть лишь граждане, с одной стороны, и государство – с другой» [8; Р.129], что серьезно коррелировало с базовыми демократическими установками. Однако впоследствии данная позиция была пересмотрена представителями ГДП.

⁷ <http://www.volby.cz/pls/ps1996-win/u4>.

ЧСДП). Что интересно, во главе ее оказался Милош Земан, работавший в свое время, как и Клаус, в экономическом секторе Института прогнозирования ЧСАН.

В 1990 и 1992 гг. социал-демократы, по вполне понятным причинам, не могли получить большой поддержки избирателей. Чешское общество, охваченное демократической революцией и принесенной ей свободой, не желало вновь видеть во властных структурах политические силы, так или иначе связанные с коммунистическим прошлым. Но уже к 1996 г. ЧСДП, внутри которой произошел ряд существенных перестроений, сумела не только удачно воспользоваться ситуацией, когда значительная часть социума разочаровалась в социально-экономической политике гражданских демократов, но и, что особенно важно, предложить альтернативную «клаусистской» экономическую стратегию переходного общества.

Критикуя ГДП за артикулируемые и навязываемые ею социуму константы индивидуального успеха и материального благополучия, ЧСДП выдвинула на первый план задачу построения социально ориентированной рыночной экономики. Предложенная социал-демократами программа экономических реформ, ориентированных главным образом на социальную сферу, получив высокую поддержку избирателей, во многом и обеспечила ЧСДП второе место на выборах в Палату депутатов в 1996 г.

Вместе с тем, сложившейся в результате парламентских выборов баланс сил создал в политическом процессе Чехии весьма любопытный прецедент: де юре проигравшие, то есть социал-демократы, оказались де факто в роли победителей. Бывшей парламентской коалиции в составе ГДП-ГДА («Гражданский демократический альянс») – ХДС-ЧНП («Христианский демократический союз – Чешская народная партия») не хватило всего двух мест для получения большинства мест в парламенте и возможности формирования правоцентристского правительства. Довольно сложный переговорный процесс и поиск компромисса между прошедшими в парламент политическими субъектами в конечном итоге привели к тому, что гражданские демократы получили право сформировать кабинет министров, но были вынуждены уступить ЧСДП ряд планируемых до выборов позиций (в частности, Земан вскоре занял пост председателя парламента).

Положение партии В. Клауса вскоре осложнилось и весьма серьезными внутрикоалиционными разногласиями с ГДА и ХДС-ЧНП, апогеем которых стал скандал вокруг нелегальных источников фи-

нансирования ГДП. Противоречия партнеров по коалиции оказались настолько серьезными, что привели и вовсе к распаду политического союза «правых». Внутри же самой партии гражданских демократов произошел внутрипартийный раскол. Несмотря на то, что Клаусу удалось сохранить за собой кресло председателя гражданских демократов, лидер ГДП был вынужден уйти с поста главы правительства. Инициаторы же так называемого «сараевского покушения» и бывшие соратники Клауса во главе с Я. Румлом в знак протеста вышли из ГДП, основав собственное политическое объединение – «Союз свободы» (СС).

В связи с уходом в отставку правительства В. Клауса и постепенно растущим социальным конфликтом, в виду оторванности ведущих политических акторов от реальных социально-экономических задач в угоду партийным интересам, на повестке дня встал вопрос о формировании нового кабинета министров (которое вскоре возглавил политически нейтральный Йозеф Тошовский) и подготовке к досрочным парламентским выборам.

Однако результаты избирательного цикла 1998 г., вопреки ожиданиям, не принесли стабильности в политическом процессе Чехии. В роли номинальных победителей парламентских выборов на этот раз оказалась ЧСДП, но полученных ею голосов⁸ не хватило для того, чтобы самостоятельно сформировать правительство. Переговоры социал-демократов с левыми и «Союзом Свободы» о создании правящей коалиции успехов не принесли. Во многом причиной тому стали идеологические разногласия: если ХДС-ЧНП еще был готов пойти на компромисс с «левыми», то СС такую возможность исключал. В свою очередь, возможный политический союз ГДП – ХДС-ЧНП – СС, располагавший в сумме 102 депутатскими мандатами из 101 необходимых для получения парламентского большинства, оказался то же виртуальным: христианские демократы отказывались вновь видеть во главе правительства В. Клауса, в то время как он сам не мог представить себе сотрудничество с представителями «Союза Свободы» из-за недавнего политического конфликта.

В ситуации вновь назревавшего конституционного кризиса и отошедшими на время на второй план экономическими вопросами ведущими политическими силами страны был найден весьма не-

⁸ <http://www.volby.cz/pls/ps1998-win/u6101>.

стандартный выход из создавшегося положения. Два главных политических конкурента на протяжении всего современного политического процесса Чехии ЧСДП и ГДП заключили межпартийное соглашение, так называемый «Договор о создании стабильной политической обстановки в Чешской республике» [9].

Согласно данному документу, ГДП как ведущая оппозиционная партия Чехии по итогам выборов 1998 г. соглашалась на создание социал-демократам «правительства меньшинства». В обмен на это гражданские демократы получили несколько ключевых постов в Палате депутатов. Кроме того, ГДП обещала воздержаться при голосовании по вопросу о вотуме доверия правительству вплоть до окончания срока его полномочий. Обе партии также брали на себя обязательство не вступать в коалиции с другими политическими силами и консультироваться друг с другом по наиболее актуальным вопросам политической повестки дня [10].

Подобное развитие демократического метода государственного администрирования вызвало в чешском обществе вторую волну электоральной революции (1999–2002). Она стала реакцией на изначально слабую развитость процедурных основ демократического политического режима, что было следствием дефектности механистического переноса нормативно-институционально базы в ходе демократического транзита. Тем самым ситуативное закономерно конфликтное развитие чешского общества требовало создания новых и модификации старых демократических процедур на основе собственного опыта государственного развития, а также их корректного внедрения в практику деятельности уже ранее механистически заимствованных институтов политической системы. Ключевым показателем требуемого генезиса процедурной части демократического метода правления, стал электорально делегативный конфликт, то есть конфликт между избирателями и избранными депутатами парламента.

Нестандартная политическая практика «оппозиционного договора», по сути являвшаяся политическим сговором двух ведущих партий страны, вызвала в чешском обществе новую волну гражданского протеста, характер которого отдаленно напоминал революционный ноябрь 1989 г. Наиболее значимыми из последовавших вскоре гражданских инициатив по своему масштабу и значению стали движение «Импульс 99», акция «Спасибо, уходите!» и забастовка коллектива общественного Чешского телевидения [11; С. 357–359; 363–364],

общим вектором которых являлось выражение гражданского несогласия с навязанной политическими элитами «оппозиционно-договорной практикой». В свою очередь, мобилизация гражданского общества, актуализированная в результате спровоцированного ЧСДП и ГДП электорально делегативного конфликта, способствовала консолидации политических сил, также как и значительная часть чешского социума, была не согласна с доминированием в политическом процессе страны двух крупных партий.

Консолидация идейно близких политических субъектов на правом континууме партийного поля привела вскоре к образованию коалиции четырех политических объединений – ХДС-ЧНП-СС-ГДА-ДС («Демократический союз»), союз которых был официально закреплен в результате подписанного 28 сентября 2000 г. «Святовацлавского соглашения» [12]. Подписанный четырьмя вышеназванными партиями документ предполагал их тесное сотрудничество, главным образом направленное против исключительного доминирования в политическом процессе страны социал-демократов и гражданских демократов. Данный политический союз доказал свою жизнеспособность еще в ноябре 1998 г., когда вошедшие в него политические объединения выступили единым списком на выборах в Сенат и получили по их итогам абсолютное большинство голосов избирателей⁹. Эта тенденция продолжилась и на выборах в 2000 г, когда «Коалиция четырех» завоевала еще большую поддержку электората¹⁰.

Таким образом, как и в 1989–1992 гг., чешское общество показало свою приверженность базовым демократическим ценностям, проявило активное гражданское участие в отстаивании своих политических прав и свобод и поддержало те политические силы, которые выступили против монополизации политического пространства, скрывавшейся в опасности сохранения «оппозиционно-договорной системы».

В результате не снижающейся социальной конфликтности и постепенно нараставших противоречий внутри партнеров по «оппозиционному договору», несмотря на предпринятые меры по его поддержанию в виде подписания двух дополнительных «патентов взаимной поддержки» [13], ЧСДП и ГДП были вынуждены отказаться от своего политического соглашения. В свою очередь, отказ ЧСДП и ГДП от нестандартной политической практики и произо-

⁹ <http://www.volby.cz/pls/senat/se1213?xjazyk=CZ&xdatum=19981114&xv=2>.

¹⁰ <http://www.volby.cz/pls/senat/se1213?xjazyk=CZ&xdatum=20001112&xv=2>.

шедшие на правом континууме партийного поля интеграционные процессы означали, что электоральная конкуренция в Чешской республике вновь вернулась в привычное русло экономического позиционирования различных политических акторов.

Говоря о современных трендах политического процесса в Чехии, можно отметить, что по итогам парламентских выборов 2002 г.¹¹ социал-демократы сумели преодолеть политические разногласия с ХДС-ЧНП и СС-ДС, что позволило им сформировать коалиционное левоцентристское правительство и продолжить реализацию своей программы экономической модернизации. Гражданские демократы, впервые после 1992 г. потерпевшие довольно серьезное поражение, вынуждены были смириться с ролью оппозиции.

Оказавшись в столь незавидном положении, ГДП решила скорректировать акценты своей экономической концепции. Так, в предвыборной программе-2006 «Общество для лучшей жизни» [14] гражданские демократы сделали ставку на социальных ценностях, подхватив тем самым посыл социал-демократов начала 1990-х гг. Согласно обновленной социально-экономической стратегии, гражданские демократы сделали ставку на таких актуальных задачах современного социально-экономического развития Чехии, как обеспечение доступного здравоохранения, справедливого налогообложения и дифференцированной системы денежных компенсаций семьям. Кроме того, в современных условиях, по мнению ГДП, необходимо усилить поддержку мелкого и среднего бизнеса, усовершенствовать инфраструктуру чешских предприятий по примеру лучших образцов ЕС, равно как и повысить антикоррупционные меры.

Стой одновременно разнородная и социально привлекательная концепция, тем не менее, получила весьма высокую поддержку со стороны избирателей. Так, парламентские выборы 2006 г.¹² и состоявшиеся спустя четыре месяца выборы в Сенат¹³ принесли гражданским демократам, во главе которых после ухода в отставку в 2002 г. В. Клауса (избранного на следующий год президентом ЧР) теперь стоит Мирек Тополанек, долгожданный политический успех.

Однако четвертый избирательный цикл в современной истории Чехии стал едва ли не большим испытанием политической системы

¹¹ <http://www.volby.cz/pls/ps2002-win/ps2?xjazyk=CZ>.

¹² <http://www.volby.cz/pls/ps2006/ps2?xjazyk=CZ>.

¹³ <http://www.volby.cz/pls/senat/se1213?xjazyk=CZ&xdatum=20061020&xv=2>.

страны, чем все предыдущие периоды ее кризисного развития. По итогам выборов в Палату депутатов ни одна из противоположных на партийном континууме политических сил даже в союзе с идеологически близкими политическими партнерами не способна получить парламентское большинство. У ГДП, после десятилетнего перерыва ставшей формальным победителем выборов, и согласных вступить с ней в парламентскую коалицию ХДС-ЧНП и «Партии зеленых», впервые самостоятельно получившей представительство в Палате депутатов, оказалось всего 100 мандатов. Оппозиция, представленная ЧСДП и КПЧМ, даже если представить их «невероятный» временный союз, также располагает лишь 100 местами. В течение шести месяцев Чешская республика находится в ситуации политического кризиса, так как до сих пор не удается найти компромисс и сформировать приемлемый для всех политических сил кабинет министров.

На голосовании о вотуме доверия 3 октября нынешнего года предложенный новым лидером гражданских демократов Миреком Тополанеком состав правительства не получил необходимой поддержки. Предпринятые за это время попытки внести поправку в Конституцию (согласно которой, президент мог бы распустить Палату депутатов при согласии трех пятых депутатов нижней палаты парламента) и создания так называемой «радужной коалиции» (то есть участия в коалиции всех политических партий, кроме КПЧМ) успехом также не увенчались.

В настоящее время Тополанек получил вторую возможность сформировать правительство и ведет сложные переговоры с потенциальными партнерами по коалиции. В случае повторного отклонения состава правительства, согласно конституции Чехии, президент страны должен будет распустить Палату депутатов и объявить о проведении досрочных выборов, которые по различным оценкам, могут состояться либо уже в 2007 г., либо в 2008 г. [15]

Кризис легитимности моноцентрического политического режима и вторая электоральная революция в Словакии

В отличие от Чехии, процесс демократизации в Словакии, продолжившийся в рамках суверенного государства, изначально не исключал возможности обострения внутривнутриполитической ситуации. По крайней мере, о негативных тенденциях, указывавших на сла-

бость инсталлированного демократического институционального дизайна, в первую очередь говорили результаты последних в истории Чехословакии выборов в Федеральное собрание ЧСФР, когда победу на них одержало «Движение за демократическую Словакию» Владимира Мечьяра. Приверженность словацкого социума национал-популистским лозунгам, активно использованным политическим объединением В. Мечьяра в ходе предвыборной кампании, серьезно расходилась с базовыми демократическими установками, нормативно заложенными в политической системе страны.

Кроме того, в отличие от Чешской республики, сопровождающая политическую борьбу электоральная конкуренция в Словакии проходила и проходит одновременно в рамках нескольких кливиджей. Серьезные электоральные расколы наблюдаются здесь по позициям в вопросах государственного администрирования, национальной идентичности, экономической стратегии развития переходного общества и внешнеполитической концепции. Этим во многом объяснялась напряженная внутривнутриполитическая борьба между различными политическими силами, главным образом приверженцами национал-популистских и либерально-демократических идей. На начальном этапе демократического транзита политический конфликт между ними порой доходил до крайней стадии конфликтноопасности, увеличивая риск кризисности политической системы.

Существенные расхождения в видении политических и экономических стратегий развития Словацкой республики в посткоммунистический период между бывшими партнерами по «Движению за демократическую Словакию», наметившиеся еще после выборов 1992 г., в конечном итоге привели к правительственному кризису 1994 г., причиной которого стал вотум недоверия кабинету министров В. Мечьяра. Сформированное вскоре вместо него коалиционное правительство во главе с Йозефом Моравчиком объявило себя временным (хотя имело конституционные основания функционировать вплоть до 1996 г.) и приняло решение о проведении досрочных выборов в Национальный Совет в конце сентября – начале октября 1994 г.

Однако, вопреки политическим ожиданиям представителей либерально-демократических сил, их итоги не способствовали разрешению внутривнутриполитического конфликта и сосредоточению усилий правящих элит на вопросе социально-экономической модернизации по примеру Чехии. Напротив, результаты первого в истории незави-

симой Словакии избирательного цикла еще более осложнили и без того не прочные позиции либеральноориентированных политических субъектов. «Венгерская коалиция» (ВК), включающая в себя три венгерских политических объединения («Венгерское христианско-демократическое движение», «Движение Сосуществование» и «Венгерскую гражданскую партию»), «Христианско-демократическое движение» (ХДД) и «Демократический союз Словакии» (ДСС) даже совместными усилиями не смогли набрать большей поддержки избирателей, чем ДЗДС самостоятельно¹⁴.

Вновь завоеванный властный ресурс позволил В. Мечьяру, акцентировавшему свое внимание в ценностных установках на национальной самобытности словацкого народа и радикальных мерах социально-экономического реформирования, практически единолично определять вектор системных преобразований в стране на ближайшие четыре года.

Довольно быстро найдя себе союзников по коалиции в лице едва преодолевших 5%-й барьер ультраправой «Словацкой национальной партией» (СНС) и ультралевого «Объединения рабочих Словакии» (ОРС), ДЗДС, получившее тем самым необходимое парламентское большинство (располагая 81 депутатским мандатом из 76 необходимых), вскоре сформировало трехпартийное правительство [16; С. 8]. Таким образом, спустя всего пять лет после комплексных демократических изменений в стране, в кабинете министров Словакии не оказалось ни одного представителя либерально-демократических сил, что еще более дестабилизировало политический порядок.

Более того, несмотря на декларировавшуюся в коалиционном соглашении ДЗДС-СНС-ОРС приверженность демократическому методу правления и его базовым принципам, правительство В. Мечьяра, фактически полностью состоявшее из представителей его политического объединения, в действительности неоднократно нарушало их.

Позиционировавшее себя формально сторонником социал-демократических идей, на практике «Движение за демократическую Словакию» в период политического доминирования в стране реализовывало свои стратегии, ориентируясь на авторитарный способ властвования. Это в значительной степени подрывало заложенные в политической системе страны демократические институциональ-

¹⁴ <http://www.statistics.sk/volby98/1994/volby21.htm>.

но-правовые формы государственного администрирования, инсталлированные в 1989 г. и легитимированные затем в ходе первой волны электоральной революции.

В условиях отсутствия достаточного опыта развития на основе самостоятельной государственности и растущего социально-экономического кризиса, Словакия, находящаяся лишь на начальной стадии перехода к демократии, столкнулась с вызовом авторитаризма. В частности, можно говорить о том, что в период 1994–1998 гг. в Словакии сложился моноцентрический политический режим, представлявший собой господствование доминирующего актора, максимизировавшего контроль над ресурсами по принципу «победитель получает все» [17; С. 44–48]. Данный тип политического режима характеризовался следующими особенностями:

- 1) конфронтацией между партиями правящей коалиции и демократической оппозицией, представленной правоцентристскими силами;
- 2) практикой дискредитации либеральных оппозиционных партий посредством различных способов давления на них со стороны государственной власти и правящей коалиции, что, в свою очередь, затрудняло поиск компромиссов в принятии политических решений;
- 3) практикой подготовки, принятия и применения законов, направленных на создание односторонне выгодных условий для концентрации властного ресурса в руках доминирующих политических элит;
- 4) практикой политического и экономического клиентелизма.

Серьезным дестабилизирующим фактором, отражавшемся на общем состоянии политического порядка, являлось также отсутствие в обозначенный период четко сформулированной правительством концепции в отношении национальных меньшинств. Принимая во внимание многочисленный венгерский анклав на Юге и Юго-востоке страны и исторически непростые словацко-венгерские отношения, это лишний раз провоцировало эскалацию и без того конфликтно-опасной ситуации¹⁵, особенно в свете постоянных политических перепалок между представителями СНС и ВК.

¹⁵ Урегулировать ситуацию в этой области частично удалось после принятия в июле 1999 г. так называемого «Закона о праве использования этническими меньшинствами национального языка». Данный документ, даже несмотря на его критику со стороны «Партии Венгерской коалиции», заложил основу правового регулирования в отношении национальных меньшинств, проживающих на территории Словакии.

В условиях подобного кризисного развития политической системы Словакии, оказавшейся в ситуации авторитарного отката, институционализированный в ходе первой электоральной революции демократический метод правления был серьезным образом дискредитирован. Это, в частности, выразалось в отказе правящей элиты от использования в политическом процессе дипломатического инструментария и его замене силовыми и неформальными практиками.

Однако, несмотря на это, а также предпринятые доминирующим актором меры, препятствовавшие прохождению многосоставной либеральноориентированной оппозиции в парламент (вследствие чего «Словацкая демократическая коалиция», также как и ВК, была преобразована в единую партию), продемократически настроенные политические акторы оказались способны консолидировать свои усилия. Найдя компромиссные решения между собой, им также удалось актуализировать в сознании соответствующей части электората необходимость солидаризации интересов. Это, в свою очередь, вызвало вторую волну электоральной революции, ставшую отражением реакции словацкого социума и оппозиционных политических элит на кризис легитимности моноцентрического политического режима.

В структурно-содержательном плане отличительными особенностями второй электоральной революции в Словакии (1998–2002), целью которой была трансформация ригидных форм демократии и их нормативно-институциональная модификация [18; С. 5–6], стали:

1. Актуализация рационального выбора избирателями модели электоральной конкуренции, в соответствии с которой определяется вектор демократических преобразований переходного общества.
2. Массовое гражданское участие в ходе избирательной кампании 1998 г.¹⁶, а также готовность к массовому гражданскому протесту после выборов в случае их отрицательного результата для либеральной оппозиции, которым могли бы явиться как возможные фальсификации, так и непризнание итогов выборов со стороны доминирующего актора.

¹⁶ Отличительной особенностью выборов в Национальный совет в 1998 г. стала самая высокая с момента «бархатной революции» явка избирателей (84,24%), что заметно коррелировало с общеевропейской тенденцией падения процента участия электората в выборах.

3. Корректировка политического курса трансформирующегося общества, следствием которой стала последующая перестановка в кабинете министров.
4. Значительное усовершенствование демократических процедур посредством их реинсталляции и введения дополнительных стабилизирующих положение политической системы норм и институтов.

В стремлении к достижению вышеобозначенных задач представителями либерально-демократических сил в ходе предвыборной кампании 1998 г. использовался следующий инструментарий:

- 1) создание единой оппозиции;
- 2) усовершенствование организационно-правовой работы избирательных структур (гражданский контроль за работой избирательных комиссий, проверка списков избирателей и итогов досрочного голосования и т.п.);
- 3) выстраивание предвыборной кампании на жесткой критике политической деятельности инкумбента;
- 4) использование системы международного и внутреннего мониторинга за выборами с привлечением средств массовой информации и проведением различных общественных опросов.

В результате, несмотря на формальную победу ДЗДС на выборах 1998 г.¹⁷, парламентское большинство оказалось у продемократически настроенных политических сил. Правда, сформированный ими вскоре состав парламентской коалиции отличался довольно сложной структурной гетерогенностью. Так, в него вошли представители как номинально правого¹⁸ континуума партийного поля – «Партия Словацкой демократической коалиции» (включавшая в себя в это время аж пять политических объединений – «Христианско-демократическое движение», «Демократический союз», «Демократическую партию», «Социал-демократическую партию Словакии» и «Партию зеленых») и «Партия Венгерской коалиции», – так и левоцентристские силы – «Партия демократических левых» (ПДЛ) и «Партия гражданского

¹⁷ <http://www.statistics.sk/volby98/results/tab2.jsp>.

¹⁸ В отличие от партийной системы Чехии применение классического «право-левого континуума» для Словакии весьма условно, так как здесь по-прежнему сохраняется довольно сложная структурная гетерогенность, осложняющая четкую идентификацию идеологической привязанности тех или иных политических субъектов.

взаимопонимания» (ПГВ). Именно последний политический субъект, возглавляемый бывшим членом ЦК «Коммунистической партии Словакии» (КПС) Рудольфом Шустером, выполнил роль своеобразного моста для структурного оформления парламентской коалиции и последующего формирования мультипартийного правительства. В свою очередь, спустя год именно Шустер был единогласно поддержан коалиционными силами как кандидат на пост президента страны.

Столь любопытные политические метаморфозы свидетельствовали прежде всего о том, что политические акторы, консолидировавшиеся в оппозицию моноцентрическому режиму Мечьяра, несмотря на существенные идеологические расхождения между собой, подтвердили свое желание вести политическую борьбу в рамках демократических «правил игры».

«Реанимировав» парламентский процесс, коалиционное правительство во главе с Микулашем Дзуриной, начало свою деятельность с того, что занялось приведением в порядок нарушенной в предшествующий период нормативно-правой базы. Прежде всего, юридической ревизии подверглись конституция и избирательное законодательство.

Одной из главных конституционных поправок, принятых парламентом Словакии в январе 1999 г., стало изменение порядка выбора президента страны. Отныне его избирает не Национальный совет республики, как это было ранее, а граждане страны, обладающие избирательным правом. Вместе с увеличением порога возрастного ценза (с 35 до 40 лет) значительно усложнилась процедура выдвижения кандидата на пост президента (для чего ему необходимо заручиться поддержкой не менее 15 депутатов парламента, либо предоставить в избирательную комиссию не менее 15 тыс. подписей избирателей). Кроме того, глава государства получил ряд дополнительных полномочий в возможности роспуска парламента. С другой стороны, в Основном законе страны впервые была прописана и процедура импичмента.

В августе 1999 г. парламент внес новеллу в «Закон о выборах», согласно которой отменялись антиконституционные положения его предыдущей редакции, инициированной ДЗДС – ОРС – СНС в 1998, и восстанавливался прежний избирательный порог для прохождения политических субъектов в Национальный Совет – 5% – для одной партии, 7% – для коалиции из двух или трех, 10% – для коалиции из четырех и больше. В сентябре 1999 г. парламент исправил «Закон

о Словацкой разведывательной службе». Президенту было возвращено право назначать и увольнять главу СРС, которым с 1995 г. обладал премьер-министр. Наконец, важным в этом ряду следует также назвать «Закон о свободе доступа к информации» (май 2000 г.), «Кодекс судей» (октябрь 2000) и др. [19].

В состоявшихся в 1999 г. первых в посткоммунистический период прямых президентских выборах единый кандидат от коалиционных сил Рудольф Шустер получил большинство голосов избирателей по итогам двух туров голосования, одержав победу над представлявшим оппозиционную сторону В. Мечьяром¹⁹. В результате, едва ли не впервые с момента образования независимого государства положение политической системы более менее стабилизировалось и у политических лидеров Словацкой республики появилась возможность вывести страну из ситуации затянувшейся политической неопределенности.

В целом завершить демократическую институционализацию демократическим политическим силам Словакии удалось к третьему избирательному циклу. В отличие от предыдущего периода, когда формальным лидером коалиционных сил была ПСДК, сформированный по итогам парламентских выборов 2002 г.²⁰ кабинет министров оказался более равнопартнерским, а политический плюрализм окончательно стал неотъемлемым «правилом игры» и основой демократического метода правления.

Обращаясь к анализу экономических стратегий переходного общества, следует отметить, что в случае со Словакией почти на всем протяжении ее самостоятельного государственного развития данное направление системной трансформации в виду вышеназванных особенностей детерминировалось вопросами внутривнутриполитического администрирования и внешнеполитических ориентиров правящих элит. Так, в период правления В. Мечьяра (1994–1998 гг.) экономическая концепция правительства, хотя и формально ориентированная на рынки Западной Европы, но также не исключавшая торговых связей с Россией, основывалась на постепенном переходе к динамичному развитию за счет реструктуризации и ориентации главным образом на внутренние ресурсисточники [20; С. 249]. В результате двух-

¹⁹ <http://www.statistics.sk/prezid99/results/chart6a.jsp>;

<http://www.statistics.sk/prezid99/results/chart10b.jsp>.

²⁰ <http://www.statistics.sk/volby2002/webdata/slov/tab/tab3.htm>.

этапной («малой» и «большой») приватизации, по итогам которой пакет акций в крупных и средних предприятиях оказался в руках бизнес-групп, так или иначе связанных с В. Мечъяром, экономика Словацкой Республики заметно отставала от своих соседей по «Вышеградской группе». Достаточно существенное государственное регулирование экономического сектора не позволило стране, несмотря на отдельные успехи в некоторых областях, выйти на планировавшиеся показатели роста ВВП и улучшить кризисное положение прежде всего в социальной сфере.

Правительство М. Дзуринды (1998–2006), сразу после своего прихода во власть провозгласившее в среднесрочной перспективе вступление Словакии в единое евро-экономическое пространство, переориентировало экономические задачи в соответствии с трендами общеевропейских интеграционных процессов. Основываясь на позициях свободного открытого рынка, приоритетами правящего кабинета министров стали макроэкономическая стабилизация и форсированное проведение структурных реформ. Признав, что снижение государственного присутствия в экономике является необходимым шагом как для интеграции в ЕС, так и для улучшения ситуации в экономическом секторе, правительство М. Дзуринды взяло курс на проведение «ускоренной доприватизации» предпринимательского и банковского сектора. Необходимые изменения в законодательстве способствовали привлечению в словацкую экономику дополнительных инвестиций и финансовых потоков, что в целом позволило оптимизировать решение как краткосрочных задач, стоящих на повестке дня, так и принять более долгосрочные программы социально-экономических реформ.

Однако методы социально-экономической концепции правительства М. Дзуринды, за восьмилетнее правление которого словацкая экономика существенно стабилизировала свое положение и получила весьма высокую оценку международного сообщества, а сама страна успешно интегрировалась в ЕС, разделяли не все политические силы Словакии, в том числе и партнеры ПСДК по коалиции. Прежде всего, это касалось составивших в 1998 г. политический союз с «правыми» левоцентристов.

Серьезные расхождения во взглядах на стратегию социально-экономических преобразований привели сначала к кризису в стане ПЛД, а затем перенеслись и на весь левый континуум партийного поля. В итоге вышедший из «Партии левых демократий» Роберт Фицо

образовал в 1999 г. новую партию – «Направление» (SMER), которая вскоре интегрировала в себя наиболее идейно близкие политические объединения (помимо ПЛД к «Направлению» также присоединились «Социал-демократическая партия Словакии» и «Социал-демократическая альтернатива»). Политическим козырем «Направления» стала не разыгранная ранее в политическом процессе Словакии социал-демократическая альтернатива, на которую некогда претендовало ДЗДС.

С момента своего появления в партийном пространстве страны «Направление» неоднократно выступало с критикой в адрес коалиционного правительства М. Дзуринды. Негативным оценкам подвергся и экономический курс предшествующего кабинета министров В. Мечьяра. По мнению Р. Фицо, экономические шаги предыдущих правительств, особенно в области приватизации, были не слишком эффективными и выгодными как для государства, так и для общества. В этой связи общецелевая установка экономической стратегии «Направления» заключается в строгом следовании принципу взаимовыгодного партнерства при принятии тех или иных национальных проектов в области экономики или заключении инвестиционных программ. Столь критические оценки социально-экономического развития страны, подкрепленные конкретными альтернативными вариантами экономической политики, в конечном итоге принесли партии самого популярного в настоящее время в стране политика Р. Фицо успех на выборах 2006 г.²¹

Согласно программе экономических преобразований кабинета министров Роберта Фицо, в определенной степени сближающейся с позициями ЧСДП, в нынешних условиях Словакия будет стремиться к построению социально ориентированной экономики, предполагающей синтез государственного регулирования и свободного рыночного функционирования.

Вместе с тем, возможные успехи коалиционного правительства составленного по итогам выборов 2006 г., в которое наравне с «Направлением» вошли представители существенно обновившей свои программные позиции, но по-прежнему возглавляемой В. Мечьяром НП-ДЗДС, и сенсационно вернувшейся в Национальный Совет СНС,

²¹ http://www.statistics.sk/nrsr_2006/slov/obvod/results/tab3.jsp.

вызывает определенные опасения. Однако с уверенностью говорить об этом пока еще рано.

Таким образом, опыт комплексной трансформации Чехии и Словакии, в ходе системных изменений в посткоммунистический период относительно успешно адаптировавших демократический метод правления и рыночные механизмы экономики к местной политической данности, можно заключить следующее.

Процесс политической модернизации в Чехословакии, представлял собой двухуровневую адаптацию демократического метода правления. Первый уровень включал в себя задачу процедурного перенесения демократических практик и институтов и их последующую институционализацию. Второй – характеризовался уже более самостоятельной трансформацией учрежденных ранее институционально-правовых механизмов демократии в сторону их ситуативно необходимой модификации. Индикатором генезиса политической модернизации, который постепенно эволюционировал от декларативной институциональной демократии до развития ее более сложной процессуальной формы на базе имплантированного институционального дизайна, стали две волны электоральных революций.

Первая электоральная революция (1989–1992), произошедшая еще в рамках единого государства, легитимировала противопоставлявшийся ранее практикуемому авторитарному способу организации властно-подчинительских отношений демократический метод правления. Вторая электоральная революция, в случае с Чехией (1999–2002) вызванная электорально делегативным конфликтом, спровоцированным практикой «оппозиционно-договорной» системы ЧСДП и ГДП, а на примере Словакии (1998–2002) ставшая реакцией продемократических политических сил и словацкого социума на кризис моноцентрического политического режима, свидетельствовала о желании обоих переходных обществ придерживаться инсталлированного ранее, но деформированного в ходе системных изменений демократического метода правления.

Список использованной литературы

1. Подробнее о «бархатной революции», ее последствиях и значении см.: Дарендорф Р., *После 1989 г. Размышления о революции*, М. 1998; *Революции 1989 г. в Центральной (Восточной) Европе: взгляд через десятилетие*,

- М. 2001; Suk J., *Labyrintem revoluce. Akteři, zápletky a kři ovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990)*, Praha 2003.
2. Подробнее о первой волне электоральных революций в посткоммунистических обществах см.: V. J. Bunce, S. L. Wolchik, *International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions*, „Communist and Post-Communist Studies”, September 2006; V. J. Bunce, S. L. Wolchik, *Favorable conditions and electoral revolutions*, „Journal of Democracy” 2006, Vol. 17, № 4.
 3. http://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1968.html.
 4. Щербакова Ю., *Процесс политической трансформации в Чехословакии*, в: *Политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы*, М. 1997.
 5. Подробнее о дезинтеграции Чехословакии см.: E. Stein, *Česko-Slovensko: konflikt, roztr ka, rozpad*, Praha 2000; J. Rýchlík, *Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992*, Bratislava 2002.
 6. Подробнее о политическом развитии Чехословакии в период Первой республики см.: Е. Ф. Фирсов, *Эволюция парламентской системы Чехословакии в 1920 гг.*, М. 1989; Е. Ф. Фирсов, *Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм*, М. 1997.
 7. *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории*, М. 2005, кн. 2.
 8. Blaho J., Brokl L., Mansfeldová Z., *Czech Political Parties and Cleavages after 1989*, „Cleavages, Parties and Voters. Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania”, Westport Ct 1999.
 9. http://www.ceskenoviny.cz/tisk_clanku_view.php?id=14455&BACK=/index_view.php?id=14455.
 10. Подробнее об этом см.: Я. В. Шимов, *«Оппозиционный договор» между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией и его роль в новейшей политической истории Чехии (1998–2002)*, „Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых”, Вып. первый, М. 2003.
 11. *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории*, М. 2005, Кн. 2.
 12. <http://www.oda.cz/clanek.asp?id=398>.
 13. <http://www.ods.cz/knihovna/dokument.php?ID=10>; Mladá fronta dnes, 2001.10.III.
 14. <http://www.ods.cz/volby/weby/2006/program.php>.
 15. <http://www.radio.cz/cz/zpravy/85582>.
 16. <http://www.fphil.uniba.sk/~kpol/files/coalitionsskfinalmalikova.pdf>.
 17. Подробнее о режимных характеристиках моноцентрического политического режима см.: В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри, *Россия регионов: трансформация политических режимов*, М. 2000.
 18. Bunce V. J., Wolchik S. L., *Favorable conditions and electoral revolutions*, „Journal of Democracy” 2006, Vol. 17, № 4.

19. Mese níkov G., *Domestic political developments and political parties in Slovakia from 1999 to 2000*, <http://www.ivo.sk/>; Mese níkov G., *Slovakia: Consolidation of democracy with state sovereignty*, <http://www.ivo.sk/>; Ústavný zákon, ktorým sa mení a dopĺňa Ústava Slovenskej republiky č. 460/1992 Zb. v znení ústavného zákona č. 244/1998 Z. z., <http://www.zbierka.sk/tab-vc.asp?hs=82>.
20. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*, т. 3: *Трансформация 90-х годов*, ч. 2, М. 2002.
21. *Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории*, М. 2005.
22. <http://volby.kdh.sk/program.php>.
23. <http://www.ano-aliancia.sk/documents/ANOprogram.doc>.

Summary

This paper discusses the transformation process of political systems in the Czech Republic and in Slovakia following the velvet revolution; the significance of civic society in the self-formation of political orientations and institutions via electoral revolutions is also considered.